

Л. М. Макушин

ЦЕНЗУРНАЯ ПРОГРАММА П. А. ВЯЗЕМСКОГО И ПЕРВЫЕ ШАГИ К ГЛАСНОСТИ (1855–1858)

Подготовка цензурной реформы 1865 г. занимает десять лет. В более сжатые сроки осуществляются такие крупные реорганизационные проекты эпохи Александра II, как отмена крепостного права, введение новых судебных уставов, учреждение земского и городского самоуправления. Продолжительность предварительного этапа перемен в литературно-информационной политике правительства свидетельствует о специфичности данного преобразования.

Следует учитывать различия в предыстории, стартовых условиях и содержании каждой из реформ. Например, разрушение крепостного права «сверху» начинается еще в 1797 г. с закона Павла I о трехдневной барщине, продолжается при Александре I и Николае I в виде указов о свободных хлебопашцах и обязанных крестьянах, других мероприятий власти в помещичьем аграрном секторе. Судебной реформе предшествует проделанная во второй четверти XIX в. огромная работа М. С. Сперанского и его помощников по кодификации русского права. Переустройство в 1847 г. органов управления Петербургом дает возможность на практике опробовать те начала, на которых впоследствии основываются земская и городская реформы, т. е. на этих направлениях преобразований еще ранее предпринимаются некоторые прогрессивные шаги. В сфере же надзора за прессой, напротив, происходит только ужесточение контроля. При Николае I дело доходит до «цензурного террора», воплощенного в деятельности высших тайных комитетов по наблюдению за печатным словом.

Сложность цензурной реформы обусловлена и сохраняющейся в основном монополией самодержавия на выражение и особенно распространение общественно-политической мысли. Вообще-то при любом автократическом режиме, в том числе и российском, верховная власть осознанно или интуитивно понимает, что реальной силой обладают все-таки управляемые ею социальные субъекты. Вот почему для нее так важно удерживать в своих руках безраздельное руководство в сфере мысли и слова, возводить разного рода «умственные плотины» на пути небезопасных для режима идей. Великие реформы стронули с точки застоя малоподвижный и рутинный социально-экономический уклад страны. Но правительство Александра II тща-

---

МАКУШИН Леонид Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры периодической печати Уральского государственного университета им. А. М. Горького (E-mail: litera-lm@mail.ru).

© Макушин Л. М., 2007

тельно оберегает от какого бы то ни было покушения основу основ — самодержавный государственный строй. Здесь в роли одной из важных охранительных сил выступает цензура, трудная реорганизация которой отражает противоречие между реформируемыми и нереформируемыми сторонами жизни России. В предлагаемой статье речь идет о самом начале перемен в цензурной политике власти.

Во главе Министерства народного просвещения по-прежнему остается ветеран николаевской службы, лингвист и библиофил, член Академии наук А. С. Норов. В августе 1855 г. товарищем (заместителем) министра император утверждает князя Петра Андреевича Вяземского (1792–1878), на которого вскоре возлагает и все обязанности по руководству цензурными делами¹. На высоком правительственном посту Вяземский получает возможность влиять на официальное положение прессы и инициировать первые меры по расширению гласности.

На протяжении трех царствований поэт и публицист Вяземский занимает видное место в общественной и журналистской жизни страны. Он исповедует взгляды и настроения, типичные для передового образованного российского дворянства «Пушкинского века», для сторонников и носителей реформаторских тенденций в политике русского абсолютизма. Идеалы Вяземского, члена прогрессивного литературного кружка «Арзамас», складываются в первые десятилетия XIX в. Как чиновник по особым поручениям при представителе Александра I в Административном совете Царства Польского Н. Н. Новосильцеве, он участвует в подготовке проекта русской конституции, известной под названием «Государственная уставная грамота Российской империи». В 1820 г. вместе с группой либеральствующих петербургских аристократов молодой князь подает императору записку с просьбой о разрешении создать общество из числа дворян для обсуждения путей отмены крепостного права. По личному приказу царя в апреле 1821 г. Вяземский увольняется со службы за то, что придерживается «принципов, не согласных с видами правительства»². Отставной чиновник всецело отдается поэтическому и публицистическому творчеству. Хотя опальный литератор стоит в стороне от декабристского движения и не поддается на уговоры вступить в тайное общество, но в печати и в рукописных произведениях он пропагандирует те же идеи Просвещения, морального и духовного преобразования общества, что излагаются в уставе «Союза благоденствия».

Политическая и журналистская биография Вяземского показывает, что эволюция князя — «легального конституционалиста» — идет от просветительских настроений и литературно-общественной деятельности к превращению в одного из сановных представителей правительственного аппарата. Вяземскому, подозреваемому в оппозиционности, Николай I лишь в 1830 г. разрешает вернуться на государственную службу, в финансовое ведомство.

Поводом для недоверчивого отношения власти к Вяземскому является его активная публицистическая деятельность, особенно в 1825–1827 гг., когда он вместе с Н. А. Полевым основывает журнал «Московский телеграф» и фактически возглавляет редакцию этого издания. Зато Вяземский, в отличие от иных сановников, на собственном опыте знает всю подноготную журналистики и цензуры. Осенью 1855 г. новый товарищ министра народного просвещения, а затем и председательствующий в Главном управлении цензуры вступает в должность, имея давно продуманный план первоочередных мер по некоторым преобразованиям цензуры и в целом правительственной политики в области печати. Хотя в судьбе вольнодумца и оппозиционера эпохи Александра I ясно просматривается перемещение на правый, умеренно-консервативный фланг, но по части цензуры и литературной политики правительства «программа, составленная Вяземским еще в конце 1810-х годов, не претерпела существенных изменений» на протяжении всей его жизни³.

В апреле 1848 г. до Вяземского доходят известия, что министр народного просвещения граф С. С. Уваров начинает подготовку нового цензурного устава. Воспользовавшись случаем, Вяземский вновь излагает давно выношенные им соображения о цензуре в записке на имя наследника престола, будущего Александра II. О реакции высочайшего адресата можно судить по письму председателя Комитета от 2 апреля Д. П. Бутурлина С. С. Уварову, в котором главный тайный цензор сообщает министру, что «имеет честь препроводить к нему, по повелению Его Императорского Высочества Государя Наследника, записку о цензуре, составленную князем Вяземским, в коей Его Высочество изволил заметить некоторые полезные мысли». Суть и основные положения записки сводятся к следующему:

- пересмотреть те положения цензурного законодательства, которые уже устарели и потеряли силу;

- обновить цензорский корпус, повысить социальный и профессиональный статус цензора;

- ограничить или совсем ликвидировать ведомственную множественность цензур;

- создать высшее управление цензуры, не зависимое от министерств и ведомств и подчиненное непосредственно императору;

- не препятствовать увеличению числа газет и журналов;

- не ограничиваться в цензурной деятельности запретительными мерами, но направлять движение литературы, поощрять благонамеренных литераторов;

- создать политико-литературный журнал и литературно-политическую газету под патронажем правительства в целях союза между мыслящей частью общества и верховной властью;

- расширить пределы гласности, допустить обсуждение в печати общественных вопросов в соответствии с видами правительства;

— высшие лица государства одной из главных задач должны считать формирование общественного мнения, подчинение литературы и журналистики влиянию правительства⁴.

М. И. Гиллельсон называет записку 1848 г. «умной консервативной мечтой»⁵. Но во второй половине 1850-х гг. эта мечта начинает становиться явью. И затем, на наш взгляд, вряд ли следует безоговорочно характеризовать план П. А. Вяземского как факт консервативной мысли. В последнекабристское время начинает формироваться отечественный либеральный консерватизм с существенной «прививкой» идей из либерализма. Изложенная выше цензурная программа Вяземского как раз и свидетельствует о своеобразном гибриде консерватизма и либерализма.

К осени 1855 г. настроение в интеллигентских, литературных кругах становится все более возбужденным. Падение Севастополя 27 августа того года, означающее поражение России в Крымской войне, — это удар по чувствам и расположению духа общества. Молчавшая Россия начинает говорить. Цензоры приходят в замешательство не только под напором активизирующегося общественного мнения, но и в связи с неожиданными для них высказываниями и решениями высших должностных лиц империи.

Уже в первые дни пребывания в министерстве Вяземский наставляет чиновников, которые ищут злонамеренные экивоки в сочинениях о зарубежной жизни: «Нельзя не сожалеть о кривом направлении некоторых умов, слишком щекотливых, которые во всяком похвальном отзыве о чужом порядке вещей ищут тайного порицания порядка, у нас существующего, и во всяком замечании на посторонние злоупотребления и недостатки видят лукавый намек на наши»⁶. Военный министр князь В. А. Долгоруков в ответ на просьбу редактора «Современника» И. И. Панаева разрешает публиковать в журнале военную беллетристику и фронтовые корреспонденции, ранее категорически не пропускаемые цензурой. В самом Главном управлении цензуры раздаются голоса протеста против чрезмерных строгостей надзора за прессой. Товарищ министра народного просвещения «стоит во главе этих протестантов». Он заявляет: «...Все многочисленные, подозрительные и слишком хитро обдуманые притеснения цензуры не служат к изменению в направлении мыслей, понятий и сочувствий. Напротив, они только раздражают умы и отвлекают от правительства людей, которые по дарованиям своим могут быть ему полезны и нужны. Наконец, эти притеснения... могут составить систематическую оппозицию, которая и без журнальных статей и мимо стоокой цензуры получит в обществе значение, вес и влияние... Следует опасаться действий и последствий насильственного молчания»⁷. Лейтмотив рассуждений Вяземского о цензуре — это забота либерального консерватора о безопасности и благополучии государства.

Знаковое явление первого года царствования Александра II — это отказ власти от прежнего, безусловно отрицательного, отношения к созданию но-

вых печатных органов. 23 октября 1855 г. император накладывает положительную резолюцию на записку Вяземского о дозволении М. Н. Каткову издавать в Москве журнал «Русский вестник» с политическим отделом⁸. В то же время А. С. Норов и управляющий III отделением князь А. Ф. Орлов испрашивают высочайшее повеление об отмене особых цензурных ограничений для славянофилов и разрешении им выпускать в Москве журнал «Русская беседа».

В декабре 1855 г. решается судьба «бутурлинского комитета». На одном из документов Норова имеется примечательная приписка Вяземского: «...Комитет безгласный 2 апреля, то есть цензура барона Корфа над ценсурой, упраздняется, впрочем по представлению самого Корфа. Боюсь сохвастать, но подозреваю, что вступление мое в министерство просвещения было не без влияния на решение, принятое Корфом. Я начал отгрызаться и довольно резко, а иногда и епиграмматически на придирки и нападки безгласного комитета. К тому же мне тогда, как говорится, везло по службе и при дворе»⁹. Разумеется, не одни «епиграммы» острого на язык князя определяют участь секретного комитета. Проницательный барон М. А. Корф прекрасно видит, что наступает пора демонтажа николаевских конструкций, не отвечающих духу времени. Председатель Комитета 2 апреля 1855 г. подает императору доклад с предложением о ликвидации органа тайного надзора за литературой. 6 декабря 1855 г. следует повеление о закрытии негласного комитета.

Александр II хорошо понимает все возможности журналистики, осознает таящуюся в ней мощь и опасность. «В качестве носителя верховной власти, — пишет В. Г. Чернуха, — он направлял все важнейшие дела внутренней и внешней политики, но, пожалуй, нигде (кроме сфер военной и дипломатической) его влияние не проявлялось так сильно и повседневно, как в политике по делам печати»¹⁰. Император берет на себя роль цензора и верховного арбитра в спорных ситуациях, касающихся прессы, внимательно следит за публицистикой и ходом выполнения его поручений в области цензуры. Складывается система информирования царя о выступлениях печати и реакции на них публики. Это специально составленные для него обозрения Министерства народного просвещения, записки управляющего III отделением, доклады министров и т. д.

Хотя Александр II отдает себе отчет в том, что больше невозможно насильственно сдерживать проявления общественного мнения, но доминирует в его личных установках унаследованное от Николая I настороженное и подозрительное отношение к прессе и журналистике. Это видно, в частности, из переписки императора с близкими людьми. Так, наместнику Кавказа князю А. И. Барятинскому он признается: «Я никогда не был вообще и в частности большим почитателем писателей, и я с грустью убедился, что это люди с очень опасными тенденциями и мыслями»¹¹. В письмах к брату,

Константину Николаевичу, Александр II высказывает неудовольствие положением «по литературной части, которая пагубным своим направлением сделала уже нам столько вреда...»¹². Эта тема постоянно присутствует в личных царских посланиях. Возмущаясь «необузданностью» прессы, монарх не может не понимать, что эта «необузданность» есть следствие возбужденного общественного настроения, охватывающего и правительственные круги. Александру II приходится считаться с этим настроением, одним из лозунгов которого является гласность.

Средствами гласности выступают и разговоры в салонах, на журфиксах, в дружеских кругах, речи на банкетах и застольные беседы. На рубеже двух царствований, а особенно в 1855–1857 гг., органом, выражающим мечты и настроения пробуждающегося общества, становится рукописная литература. Мемуары, дневники, эпистолярное наследие современников той поры хранят множество свидетельств о ее чрезвычайной распространенности. В дневниковых записях сенатор К. Н. Лебедев восклицает: «Писанные тетради наводняют нас... Все начинают с того, что винят покойного государя, его систему управления, неограниченную личность, династическую до личности политику внешнюю, неограниченную до деспотизма политику внутреннюю... По терпимости к письменным памфлетам мы и теперь уже в каком-то революционном положении»¹³. Ходящие по рукам статьи и записки, безусловно, оказывают сильное влияние на общественное и правительственное мнение о злой судьбе цензуры и угнетенном положении журналистики. Рукописная литература есть характерное для сложившихся обстоятельств «информационное самообслуживание» (термин Г. В. Жиркова¹⁴), к которому прибегают деятели различных идейных направлений.

Эффект рукописной литературы значительно умножается благодаря издательской деятельности А. И. Герцена. Многие из неподцензурных произведений попадают на страницы альманаха «Полярная звезда» (1855–1868), сборника «Голоса из России» (1856–1860), газеты «Колокол» (1857–1868). Проблема гласности находит в газете А. И. Герцена и Н. П. Огарева двойное преломление. Во-первых, «Колокол» пропагандирует и отстаивает свободу печати. Недаром в его первом номере 1 июля 1857 г. звучат слова: «Без вольной речи — нет вольного человека... Открытое слово — торжественное признание, переход в действие»¹⁵. Во-вторых, сам «Колокол», благодаря сотням писем из России, является практическим воплощением гласности.

В апреле 1856 г. столичные литераторы и журналисты поздравляют друг друга с отставкой ревностного хранителя «бутурлинских» традиций, председателя Петербургского цензурного комитета графа М. Н. Мусина-Пушкина. Вслед за ним увольняются в отставку четыре цензора из шести в Петербургском и три цензора из четырех в Московском цензурном комитетах¹⁶. В решении «кадрового вопроса» Вяземскому при поддержке Норова удается быть наиболее решительным и последовательным.

Новых цензоров — писателей И. А. Гончарова и И. И. Лажечникова, философа и публициста Н. П. Гилярова-Платонова, будущего видного земского деятеля Н. Ф. фон Крузе, а также оставшегося на службе В. Н. Беке-това — исследователи относят «к числу стремившихся быть правыми перед законом и совестью»¹⁷. Аналогичную позицию занимают назначенные в 1856 г. попечителями Киевского и Одесского учебных округов, соответственно — председателями Киевского и Одесского цензурных комитетов Н. Р. Ребиндер и выдающийся русский хирург, педагог и общественный деятель Н. И. Пирогов.

Сами по себе обновленные цензурные комитеты в силу субординации не могут, конечно, быть инициаторами сколько-нибудь заметной либерализации контроля за прохождением той или иной статьи. Здесь им помогает то, что вокруг Вяземского складывается, по выражению А. М. Скабичевского, «прогрессивная партия Главного управления цензуры»¹⁸, в которую входят управляющий II отделением и президент Академии наук граф Д. Н. Блудов, академик А. В. Никитенко, представитель Министерства внутренних дел, бывший редактор «Одесского вестника» А. Г. Тройницкий, новый председатель Петербургского цензурного комитета князь Г. Е. Щербатов. По ряду вопросов, например, о преодолении множественности надзорных инстанций и дозволении умеренной гласности, «прогрессивную партию» поддерживают председатель военно-цензурного комитета барон Н. В. Медем и новый председатель Московского цензурного комитета Е. П. Ковалевский. В стенах Главного управления цензуры ежедневно раздаются речи в защиту «разумных пределов» свободы периодики.

Подтверждением цензурной «оттепели» служит быстрый количественный рост периодики. В 1857 г. выходят 24 новых издания. Лишь 6 из них — официальные и ведомственные, а 18 — частные, в том числе «Журнал для акционеро-в» К. В. Трубникова, «Журнал для воспитания» А. А. Чумикова, «Русский педагогический вестник» Н. А. Вышнеградского, «Экономический указатель» И. В. Вернадского, торгово-промышленная газета «Посредник» П. С. Усова, славянофильская газета «Молва» под фактическим редакторством К. С. Аксакова.

Но в среде высшей бюрократии могущественной остается инерционная сила руководящих методов и взглядов на печать. Ростки гласности пробиваются черепашьими темпами и непоследовательно. Например, 5 мая 1856 г. по высочайшему повелению Министерство народного просвещения издает циркуляр о помещении в прессе только тех политических статей, которые разрешены к напечатанию в газете Министерства иностранных дел «Journal de St. Peterbourg». Тогда же следует распоряжение о том, что «изложение коммунистических правил, хотя бы и сделанное иронически, признано неуместным в издании, назначенном для *простонародного чтения*». Петербургский цензурный комитет требует от цензоров пропускать сообщения о нео-

быкновенных происшествиях лишь после опубликования этих известий в «Ведомостях городской полиции» или по особому согласованию с полицией¹⁹. В подобных предписаниях все еще чувствуется дух старого режима.

15 декабря 1856 г. император приказывает «доводить до Высочайшего сведения о важнейших по внутренней цензуре упущениях, на которые обращено будет внимание Главного управления цензуры»²⁰. Это повеление далеко не случайно. У самодержца появляются веские причины усилить внимание к общественному мнению: 3 января 1857 г. под председательством самого царя первый раз заседает Секретный комитет «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян».

Благодаря близости ко двору, Вяземский находится в курсе крестьянского дела и знает, что в нем еще нет определенности. Он верен программе, по которой в печати допустимы мнения и суждения по общественным вопросам, но «с тем только, чтобы эти мнения и разрешения вопросов согласовывались с началами, признанными самим правительством». Поэтому товарищ министра считает нужным предупредить председателей цензурных комитетов: «Вопрос о крепостном состоянии в России есть один из важнейших и щекотливейших наших государственных вопросов. Касаться до него должно с чрезвычайной предусмотрительностью и осторожностью. Возбуждение же о нем частных суждений и прений в печати едва ли дело... журнальное, так как вопрос сей и по сущности своей и по своим последствиям есть преимущественно вопрос правительственный и подлежащий в свое время решению верховной власти»²¹.

Время, когда на повестку дня выносятся вопросы о первой и главной реформе нового царствования, отмечено в области печати тем, что «в упоении общим пробуждением... наступает прежде всего эпоха обличительного жара, время сатирического негодования, период осмеяния и разрушения»²². Официальный источник так характеризует названное явление, путь которому открывают «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Наша обличительная литература принялась вытаскивать *на пользу гласности*, на публичное осмеяние весь хлам из каждого канцелярского подвала, из каждого грязного закоулка, из каждого бедного угла — жилища нищего чиновника. Произведений с подобным направлением явилось в журналистике нашей... множество»²³. В сложившейся ситуации руководители Министерства народного просвещения нуждаются в согласовании с высшей властью своих действий в сфере печати, хотят лично от царя получить указания о линии поведения в отношении прессы. Вяземский составляет «Обозрение современной литературы», врученное Александру II 15 марта 1857 г.

«Обозрение», испещренное пометками императора, представляет собой своего рода диалог между Вяземским и Александром II. Последний разделяет мнение автора «Обозрения» о том, что обличительная литература — это все же лучше, чем «вынужденное молчание», которое ведет к «тайной

оппозиции» и распространению рукописной литературы. Но вызывает возмущение императора вывод о пользе обличительной литературы, которая, по утверждению Вяземского, снимает с правительства ответственность за злоупотребления в конкретных учреждениях, приучает публику к мысли, что все доброе в стране происходит от государя, а все плохое — от нерадивых исполнителей его воли. «Да, — замечает Александр II, — но приучает публику опорочивать *все власти*, правительством поставленные». Вяземский высказывает пожелание, «чтобы цензура наша была сильна, но вместе с тем и благоразумна и прозорлива, а не мелочна и не придирчива». «И я тоже», — делает приписку император и заключает: «С мнением к. Вяземского и я во многом согласен, но разумная *бдительность* со стороны цензуры *необходима*». Александр II, с одной стороны, поддерживает «умеренную и благонамеренную гласность», за которую ратует Вяземский, но, с другой стороны, требует строго наказывать цензоров и авторов, виновных в публикации «неблагонадежных сочинений».

Составляя «Обозрение», Вяземский напоминает государю о важном пункте своей цензурной программы — о необходимости «уяснить и упростить действия цензуры, восстановив ныне только нарицательно существующий цензурный устав 1828 года и сделав в нем некоторые изменения и дополнения». Император неожиданно идет дальше этого пожелания и приказывает безотлагательно заняться составлением нового цензурного устава²⁴.

Волна обличительных публикаций обостряет противостояние сторонников и противников даже ограничительной гласности в самом аппарате цензуры и в правительственной сфере. Задетые выступлениями прессы сановники, пользуясь близостью к царю и опираясь на его поддержку, добиваются, чтобы Министерство народного просвещения издало ряд циркуляров по поводу пропущенных цензурой статей в «Русском вестнике», «Экономическом указателе», «С.-Петербургских ведомостях», «Сыне отечества». Распоряжения вновь напоминают цензорам об осмотрительности и обязанности «иметь благоразумное понятие того, что можно допускать к печати и чего нельзя, без потрясения и подрыва общественного доверия к правительственным местам и лицам»²⁵. Реакция обиженных министров есть следствие глубоко укоренившегося в их сознании представления о том, что назначенный монархом начальник какой-либо отрасли государственного управления является, в том числе, хозяином мыслей и мнений о вверенном ему ведомстве, имеет исключительное право надзора за суждениями в данной сфере.

Статьи обличительного характера появляются и на страницах официальной периодики. «Морской сборник» и «Журнал Министерства внутренних дел» публикуют корреспонденции об ошибочных и неправильных действиях местных начальств. К великому неудовольствию столичных властей частные журналы и газеты начинают либо обильно цитировать, либо целиком перепечатывать критические выступления ведомственной периодики.

Вяземский вынужден подписать распоряжение, в котором говорится, что критические статьи «в органе министерства... приличны, даже необходимы, но перепечатывание их в других сочинениях и периодических изданиях совершенно неуместно». Циркуляр попадает на страницы «Колокола»²⁶. А. И. Герцен сопровождает этот документ язвительным комментарием.

Каждый шаг на пути к официальному признанию хотя бы ограниченной гласности дается с большим трудом. Проводники умеренной цензурной политики, к числу которых принадлежит и Вяземский, сталкиваются, с одной стороны, с сопротивлением приверженцев старых надзорных порядков. С другой стороны, немало беспокойств приносит и пресса, на страницы которой выплескивается все нетерпение общественно-политической мысли того времени. Не случайно в дневниковых записях октября-декабря 1857 г. А. В. Никитенко не раз обращается к теме «крайней смелости» печати. Академик-цензор встревожен тем, что журналы и газеты, «ослепленные ненавистью к недугам прошлого... все без разбора бранят и клянут... в своей нетерпимости они становятся представителями нового и чуть ли не еще вящего деспотизма, чем прежний»²⁷. Это высказывание отражает позицию «прогрессивной партии Главного управления цензуры», оказавшейся между двух огней и не имеющей возможности быть последовательной в своих действиях.

В стремлении к гласности, к расширению круга обсуждаемых общественных вопросов печать действительно обгоняет все «виды» правительства. Летом 1857 г. в «Русском вестнике» и «Морском сборнике» появляются статьи о необходимости гласного судопроизводства и суда присяжных. Возмущенный министр юстиции граф В. Н. Панин жалуется царю и добивается высочайшего повеления о недопущении впредь подобных статей²⁸. Руководители Министерства народного просвещения решаются выступить в защиту журналов и их права освещать вопросы о нововведениях. В докладе Норова по этому поводу говорится о допустимости и полезности «благонамеренных и скромно изложенных суждений о предметах подобных порядку судопроизводства». Одновременно Норов просит Александра II, чтобы другие министры о претензиях к печати доносили царю только после того, как получат разъяснения от министра народного просвещения. Но попытка оградить прессу от нападков со стороны других ведомств оказывается безуспешной.

На докладе император оставляет собственноручную резолюцию: «Подобные суждения о вопросах государственной и общественной нашей жизни, *весьма часто несогласные с моими мыслями*, возбуждая только напрасно умы, *могут нас весьма далеко повести*; вот почему возлагаю на вашу обязанность доводить до моего сведения *все подобные статьи*, в которых проявляются стремления к нововведениям, дабы я мог судить о них и останавливать те, которые сочту вредными. Ту же обязанность возлагаю на прочих

гг. министров, каждому по своей части, и требую, чтобы они доносили *прямо мне*»²⁹. Требование Александра II можно истолковать и как намерение иметь максимум сведений об откликах печати на злободневные вопросы жизни. Однако главный смысл директивы в другом. Император прямо дает понять, что при подготовке преобразований право инициативы принадлежит исключительно ему одному и решительно пресекает любые посягательства на эту роль со стороны общества и прессы.

Между тем вдохновленные вышеприведенным повелением некоторые министры с усердием доносят императору о статьях и художественных произведениях, вызвавших недовольство сановных читателей. П. А. Вяземский снова берется за перо и пишет форменное опровержение. Он доказывает Александру II, что подавляющее большинство этих статей вообще не касается «злоупотреблений по тому ведомству, которое на них указывало». Товарищ министра подчеркивает: «Если все министерства будут входить в рассмотрение разнородных сочинений, не имеющих никакого характера, ни административного, ни политического, и подвергать задним числом суждению своему даже повести и романы, то дело цензуры... так омногосложится и расплодит такую переписку, что добросовестное делопроизводство по этому предмету окажется невозможным»³⁰. Здесь, хотя и в неявной форме, отчетливо слышится осуждение множественности цензур.

В ноябре 1857 г. после неоднократных докладов Норова и Вяземского Главное управление цензуры вновь получает право разрешать периодические издания по части словесности, наук и искусств, «кроме тех, кои, по важности своего содержания или по каким-либо особенным обстоятельствам, требуют высочайшего разрешения; на дозволение же периодических изданий политического содержания испрашивается высочайшее соизволение через Комитет Министров»³¹. За четверть века до этого, в нарушение § 17 устава 1828 г., Николай I приказывает, чтобы любой орган периодики утверждался только с личной санкции царя. Отмена этого распоряжения значительно упрощает процедуру создания новых журналов и газет.

Мы могли бы назвать 1857 г. годом «теоретической» борьбы за гласность. О ее необходимости постоянно ведут речь А. С. Норов, П. А. Вяземский, Д. Н. Блудов, Г. А. Щербатов, Н. И. Пирогов, М. П. Погодин, Ф. И. Тютчев. Во всеподданнейших докладах, служебных и частных записках контуры дозволенной свободы печатного слова обретают более четкие очертания. К сказанному следует добавить, что влиятельнейший сторонник некоторой открытости прессы появляется в Секретном комитете по крестьянскому делу. Недовольный медлительностью и безынициативностью Комитета Александр II вводит в его состав своего брата, великого князя Константина Николаевича. Он предлагает «публично объявить о намерениях правительства хотя бы в общих чертах. 18 августа [1857 г.] состоялось решительное заседание Секретного комитета, где обсуждался проект Константина Нико-

лаевича. Константин Николаевич доказывал, что гласность успокоит крестьян и даст возможность обществу принять более деятельное участие в разработке подробностей реформы. Однако комитет это предложение безусловно отверг; решено было, что никакого оглашения видов правительства не должно быть»³². Отсюда видно, какое сильное сопротивление встречает в это время сама идея гласности. Однако ее сторонники не теряют надежды, что данная проблема вскоре перейдет из плоскости теоретической в сферу практическую. Так оно и получается в действительности.

20 ноября 1857 г. Александр II подписывает высочайший рескрипт на имя виленского генерал-губернатора В. И. Назимова с разрешением создать в трех литовских губерниях дворянские комитеты для составления проектов «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян» на основе «непременных и непреложных начал». Своего рода комментарием к рескрипту служит отношение министра внутренних дел С. С. Ланского виленскому генерал-губернатору.

Антикрепостническому меньшинству Секретного комитета удастся заручиться поддержкой императора и провести решение об опубликовании рескрипта Назимову и письма Ланского в официальной части «Журнала Министерства внутренних дел». 15 декабря 1857 г. дозволяется напечатать их во всех периодических изданиях.

Обнародование документов, возвещающих близость уничтожения крепостного права, имеет большое политическое значение. Это первая ласточка гласности в России, свидетельство начала перемены в правительственном мнении и правительственной политике относительно возможностей, роли и места печати в делах государственных.

При отсутствии парламентских и других подобных им форм полемики одним из главных полей столкновения мнений неизбежно становится пресса. Уже в конце декабря 1857 г. Министерство народного просвещения издает ряд циркуляров по поводу крестьянской тематики. «Вследствие обнародования рескриптов» цензорам и редакторам предписывается «обратить строжайшее внимание на статьи и стихи (!), в которых могут быть резкие и язвительные отзывы об отношении господ и помещиков к их служителям и крестьянам... остерегаться возбуждения враждебных предубеждений и страстей в то самое время, когда правительство приступило к разрешению вопроса, столь близкого всем, по государственному своему значению». На чрезмерную настороженность власти указывает и высочайшее повеление о запрещении помещать в русских газетах и журналах программу Академии наук на соискание премии за исторические исследования об отмене и выкупе помещичьих прав в странах Европы³³. Однако эти распоряжения имеют слишком общий характер.

4 января 1858 г. государственный секретарь В. П. Бутков по поручению царя запрашивает Норова: какими правилами руководствуется цензура при

рассмотрении статей по крестьянскому вопросу? «В цензурном уставе, — отвечает министр, — не заключаются правила, прямо относящиеся к крепостному состоянию в России». Что же касается крестьянской темы, то 17 марта 1857 г., подчеркивает Норов, государь повелел впредь *«рассуждений сих не допускать вообще»*³⁴. Тем временем ситуация требует большей определенности в цензурной практике.

На заседании Совета министров 16 января 1858 г. А. С. Норов выступает с докладом о цензуре, подготовленным П. А. Вяземским и И. А. Гончаровым. В докладе министра звучит, по сути, предложение о цензурной реформе, когда он говорит, что «должно положительно определить и обозначить ту долю благоразумной и законной свободы, которую правительство полагает возможным предоставить науке и литературе». Пока эти границы определяются, в столичный цензурный комитет могли бы быть назначены от различных ведомств доверенные чиновники для разрешения спорных вопросов по статьям, касающимся этих ведомств³⁵. В Совете министров доклад Норова поддержки не находит. Однако цензурный вопрос не остается без ответа, изложенного в двух высочайших повелениях.

Первое высочайшее повеление, объявленное 16 января 1858 г., содержит правила «для руководства внутренней цензуры при рассмотрении и пропуске к напечатанию статей, относящихся до предпринятого ныне освобождения крепостного состояния». Правила диктуют: не допускать к напечатанию сочинения: а) где «будут разбирать, осуждать и критиковать распоряжения правительства по этому делу»; б) в которых «помещаются события и суждения, могущие возбудить крестьян противу помещиков». Разрешается публиковать «статьи, чисто ученые, теоретические, исторические и статистические, где будут разбираться и рассматриваться вопросы хозяйственные о теперешнем и будущем устройстве помещичьих крестьян, с тем только: а) чтобы при этом не было допускаемо рассуждений и толкований о главных началах», изложенных в высочайших рескриптах; б) чтобы при пропуске подобных сочинений «в точности соблюдались общие правила» цензуры; в) чтобы обращено было особое внимание на дух и благонамеренность сочинения и г) статьи, «написанные в духе правительства, допускать к печатанию во всех журналах»³⁶.

Решения об образовании губернских дворянских комитетов затронули краеугольный камень российской государственной системы. Для власти и общества очевидными являются перспективы и других преобразований, мимо которых, естественно, не может пройти и пресса. Поэтому высочайшим повелением 25 января 1858 г. правила о рассмотрении сочинений по крестьянскому вопросу распространяются в целом на сочинения о современной общественной жизни и связанной с ней правительственной деятельностью³⁷. Таким образом, хотя и в ограниченных размерах, но санкционируется участие периодической печати в подготовке и осуществлении реформ.

В такой обстановке в феврале 1858 г. под председательством Вяземского проходят первые заседания комитета для пересмотра старого и составления нового цензурного устава. Вступительный доклад при начале работы комитета Вяземский строит на основании уже знакомого нам «Обозрения современной литературы» и резолюций императора на этом документе. «Записка оправдывает литературу от возводимых на нее обвинений. Она составлена умно и изложена изящно, — не скрывает одобрения А. В. Никитенко. — Вообще записка эта делает честь князю Вяземскому по светлым идеям в пользу мысли и просвещения... Он опровергает ею мнение многих, будто он сделался простым аристократом-царедворцем, особенно Герцена, который беспощадно казнит его в каждом № “Колокола”». По поводу же оглашенных докладчиком мнений царя академик-цензор замечает, что «в них проглядывает как бы нерасположение к литературе и сомнение в ее благонамеренности. Вообще он считает необходимым бдительное цензурное наблюдение за ней»³⁸. Перед комитетом Вяземского стоит трудноразрешимая задача: подготавливать новый цензурный устав, мера дозволяемой новизны которого весьма незначительна.

Впрочем, товарищ министра народного просвещения после первых заседаний комитета больше не участвует в разработке цензурного законодательства. Воспользовавшись отставкой Норова, в марте 1858 г. Вяземский тоже уходит в отставку. Их увольнение с одобрением встречают как консерваторы из официальных кругов, нападающие на «попустительство» цензуры, так и либеральные литераторы, подвергающие руководителей Министерства народного просвещения суровой и пристрастной критике за то, что они слишком мало делают для смягчения цензурных порядков.

За период с середины 1855 до начала 1858 г. программа Вяземского в значительной части выполняется. Обновляется цензорский корпус и начинается работа по пересмотру николаевского устава. Выдаются разрешения на издание около 60 новых журналов и газет, причем почти две трети из них — это органы общественно-политические, сатирические, библиографические. Под напором общественного настроения, нередко вопреки воле высших надзорных инстанций, расширяется круг социально значимых тем, обсуждаемых в печати. Несколько изменяется отношение власти к прессе: правительство допускает, хотя и ограниченную, гласность в освещении на страницах периодики проблем предстоящих реформ, деятельности администрации. Без сделанного в 1855–1857 гг. были бы невозможны дальнейшие шаги к цензурной реформе.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 3997, л. 1–2 об.

² См.: *Акулышин П. В.* П. А. Вяземский: Власть и общество в дореволюционной России. М., 2001. С. 107–152.

- ³ См.: *Ледодаев В. Ю.* Князь Петр Андреевич Вяземский о цензуре и литературной политике правительства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1997. С. 57.
- ⁴ РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 2097, л. 7–15.
- ⁵ *Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество.* Л., 1969. С. 326.
- ⁶ Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 77–78.
- ⁷ Цит. по: *Ледодаев В. Ю.* Князь Петр Андреевич Вяземский... С. 61.
- ⁸ РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 3618, л. 48–49.
- ⁹ Цит. по: *Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский.* С. 339.
- ¹⁰ *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX в. Л., 1989. С. 23.
- ¹¹ Цит. по: *Герасимова Ю. И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х гг. М., 1974. С. 18.
- ¹² 1857–1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 84.
- ¹³ Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Рус. арх. 1893. Кн. 1, вып. 4. С. 285–286.
- ¹⁴ См.: *Жирков Г. В.* Фактор информационного самообслуживания // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. СПб., 2004. С. 15–17.
- ¹⁵ Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вып. 1: 1857–1858 гг. М., 1960. С. 2.
- ¹⁶ См.: *Герасимова Ю. И.* Из истории русской печати... С. 17.
- ¹⁷ *Громова Л. П. В. Н. Бекетов — цензор «Современника»* // У мысли стоя на часах... Цензоры России и цензура / Под ред. Г. В. Жиркова. СПб., 2000. С. 86.
- ¹⁸ *Скабичевский А. М.* Очерки по истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 397.
- ¹⁹ См.: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 305, 308.
- ²⁰ Там же. С. 310.
- ²¹ Исторические сведения о цензуре в России. С. 105–106.
- ²² *Лемке М. К.* Очерки по истории цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 19.
- ²³ Цит. по: Там же. С. 20.
- ²⁴ См.: Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 г. для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати: В 4 т. СПб., 1870. Т. 1. С. 326–327.
- ²⁵ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре... С. 412–416.
- ²⁶ См.: Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вып. 1. С. 39.
- ²⁷ *Никитенко А. В.* Записки и дневник: В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 42, 47.
- ²⁸ См.: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре... С. 418.
- ²⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109, оп. 213, д. 25, л. 1–2.
- ³⁰ Исторические сведения о цензуре в России. С. 100–101.
- ³¹ Русская журналистика в документах: История надзора. М., 2003. С. 150.
- ³² *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 209.
- ³³ См.: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре... С. 420–421.
- ³⁴ РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 4269, л. 1.
- ³⁵ См.: Исторические сведения о цензуре в России. С. 103–105.
- ³⁶ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре... С. 422–423.
- ³⁷ См.: Там же. С. 424.
- ³⁸ *Никитенко А. В.* Записки и дневник. Т. 2. С. 56–57.

Статья поступила в редакцию 15.07.2007 г.